

Хрестоматія для всѣхъ. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Составиль Ник. Вас. Гербель. С.–Пб. 1873.

О книгахъ этого рода обыкновенно пишутъ такъ: «Мы должны–де быть очень благодарны почтенному составителю за его трудъ. Въ такомъ изданіи давно чувствовалась потребность, и конечно эта книга найдетъ себѣ многихъ читателей, не смотря на нѣкоторые недостатки, отчасти неизбежные при первомъ опытѣ» и т. д. Таковы обыкновенныя, казенныя фразы. Но мы хотѣли бы дать почувствовать читателямъ, что на эти фразы г. Гербель имѣетъ полнѣйшее право. Книга его чрезвычайно неудовлетворительна, имѣетъ множество недостатковъ и въ цѣломъ и въ частяхъ. И однако же это очень любопытная книга — *въ силу самаго своего предмета*. Г. Гербель просто воспользовался богатствомъ русской литературы и тою любовью къ поэзіи, которая еще сохранилась у нашихъ читателей. Казалось бы чего проще? Какъ бы плохо составитель ни выбиралъ, — все–таки большинство стихотвореній будутъ отличныя; какъ бы плохи ни были біографіи поэтовъ, все–таки онѣ будутъ очень любопытны. Почему же, спрашивается, на такомъ плодотворномъ поприщѣ взялся работать именно г. Гербель? Если вы имъ недовольны, то почему не взяли за эту работу люди гораздо глубже понимающіе дѣло, почему не сдѣлали ее давно, почему не сдѣлали десять разъ?

А потому, что мы вообще не любимъ и не умѣемъ этого дѣлать. У насъ есть литература, существуетъ русская поэзія, но хрестоматій нѣтъ, но пониманія литературы нѣтъ, но наши сборники, исторіи, всякіе очерки, обзоры, біографіи — почти сплошь никуда негодятся. Мы способны къ искусству, но къ отвлеченной мысли, къ долгому труду, для котораго мало вспышекъ энтузіазма — мы неспособны. И потому мы искренно должны быть благодарны г. Гербелю. Мы обладаемъ большою способностію ругаться, умѣемъ фыркать на все съ самыхъ высокихъ точекъ зрѣнія, но трудиться мы кажется тѣмъ менѣе способны, чѣмъ глубже понимаемъ дѣло.

Г. Гербель потрудился надъ своею книгою довольно. Въ ней заключается *сто двадцать три біографіи* — шутка сказать! И такъ какъ каждая біографія втрое или вчетверо больше стихотворенія средней величины, то выходитъ что чуть ли не половина этой огромной книги есть собственное сочиненіе составителя. Сочиненіе это очень интересно для публики, но безъ сомнѣнія имѣетъ цѣну и для исторіи; съ книгой г. Гербеля будутъ справляться, такъ какъ въ ней много фактовъ являются въ первый разъ, и собрано многое, что не легко собирается. Это мы можемъ сказать не смотря на то, что біографіи не представляютъ ни связи, ни общаго тона и общей мысли, ни равномерности, ни полноты, ни глубины. Намъ попались пропуски которые удивили насъ. Напр. въ біографіи И. С. Аксакова пропущено, что онъ издавалъ *День, Москву и Москвича*. Въ біографіи Тургенева сказано: «Остзейскіе нѣмцы также обратили свое вниманіе на «Дымъ» и перевели его на нѣмецкій языкъ, какъ это видно изъ объявленія въ «*Riqasche Zeitung*» (Хрестом. стр. 494). И кромѣ этого страннаго и неопредѣленнаго указанія, мы не находимъ у г. Гербеля ни слова о всей *заграничной славъ Тургенева*, о множествѣ переводовъ его произведеній на нѣмецкій, французскій и англійскій языки, о множествѣ хвалебныхъ критикъ и разборовъ. Точно такъ г. Гербель ни слова не говоритъ о смыслѣ и значеніи *Отцовъ и Дѣтей*; онъ говоритъ только, что этотъ романъ имѣлъ необыкновенный, небывалый успѣхъ. За то мы вдругъ встрѣчаемъ слѣдующую подробность:

«Но вотъ *на страницахъ* мартовской книжки «Русскаго Вѣстника» на 1867 годъ появляется *всѣмъ извѣстная* повѣсть его «*Дымъ*», надѣлавшая столько шуму не только у себя дома, но и за границей, гдѣ находятъ писателей, неусомнившихся истолковать смыслъ лучшихъ произведеній нашего талантливаго писателя въ самомъ превратномъ видѣ и подмѣтить въ послѣднемъ его произведеніи *Дымъ* такое направленіе, какого въ немъ нѣтъ и не можетъ быть. Вотъ, на примѣръ, что было сказано въ австрійско-жидовской газетѣ «*Neue Freie Presse*», въ номерѣ отъ 13 сентября 1868 года, въ статьѣ *Russische Social-Demokratie*, написанной по поводу какой-то русской брошюры, вышедшей въ то время въ Женевѣ: «Самъ лучшій писатель Россіи,

геніальний Тургеневъ охарактеризовалъ всю жизнь и дѣятельность современной Россіи словами: *Дымъ, одинъ только дымъ!*» Газета находитъ это замѣчаніе совершенно справедливымъ, потому что «кому же лучше знать свой народъ какъ не лучшему изъ представителей его». Впрочемъ, кто знакомъ съ нравственнымъ уровнемъ современной вѣнской журналистики, почти исключительно находящейся въ рукахъ евреевъ, на того подобное заявленіе не произведетъ *ни малѣйшаго впечатлѣнія*, такъ какъ ему хорошо извѣстно, что нѣтъ такой позорной статьи, которая бы не нашла мѣста въ вѣнской газетѣ» (стр. 494).

Признаемся, мы находимъ, что г. Гербель плохо защищаетъ г. Тургенева. Въ словахъ австрійской газеты очевидно есть толкъ, есть извѣстная связь съ дѣломъ; мы очень хорошо понимаемъ, что заграничная печать, всегда недружелюбная къ Россіи, должна была схватиться за *Дымъ* и могла найти себѣ большое удовольствіе въ этой повѣсти. А г. Гербель возражаетъ на это только то, что авторъ статьи должно быть *жидъ*, а отъ жида можно—де ожидать *всякой позорной статьи*. Это возраженіе напоминаетъ извѣстный анекдотъ о пѣвцѣ и пѣвицѣ, которые разучивали дуэтъ для оперы. «Помилуйте, Иванъ Ивановичъ, вы не ту ноту берете!» — замѣтила пѣвица. «А ты потаскуха!» отвѣчалъ пѣвецъ. Какъ не замѣчаетъ г. Гербель, что одно другимъ ни мало не опровергается?

Впрочемъ г. Гербель рѣдко пускается въ сужденія и собственныя соображенія. Большая часть біографіи не содержитъ никакой попытки на оцѣнку писателей и даже не имѣетъ того хвалебнаго тона, который одинъ приличенъ хрестоматіи. Очевидно г. Гербель боялся даже хвалить. За то съ величайшимъ изумленіемъ мы увидѣли, что есть нѣкоторыя біографіи, въ которыхъ авторъ къ писателямъ, внесеннымъ имъ въ хрестоматію, къ творцамъ «жемчужинъ и алмазовъ» собранныхъ въ этой книгѣ, относится очень рѣзко, даже враждебно. Такой черной неблагодарности мы никакъ не ожидали!

Приведемъ образчики и той и другой манеры автора. О г. Плещеевѣ г. Гербель не беретъ судить и потому ведетъ его біографію въ такомъ тонѣ:

«Начиная съ 9-й книжки «Современника» на 1858 годъ, стихотворенія Плещеева стали появляться въ этомъ журналѣ, *при чемъ первыми пьесами, здѣсь напечатанными въ этомъ году*, были слѣдующія три стихотворенія: «Мой знакомый», «Изъ Шевченки» и «На улицѣ» (№№ 9 и 11). Затѣмъ, въ 1859 году здѣсь были напечатаны, *кромѣ* пяти мелкихъ стихотвореній, его переводъ драматической баллады Гейне «Вильямъ Радклифъ», послужившей сюжетомъ для оперы г. Кюи того же имени, и повѣсть «Карьера» (№№ 11 и 12); въ 1860 году — между прочимъ переводъ поэмы Шевченки «Работница» (№ 4) и статья «Поль-Люи-Курье, его жизнь и сочиненія» (№ 11); въ 1861 и 1862 — рядъ мелкихъ стихотвореній; въ 1862 — драматическая сцена «Счастливая чета» (№ 4); а въ 1863 и 1864 — рядъ переводовъ изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ поэтовъ, нѣсколько оригинальныхъ стихотвореній и рассказъ «Потерея» (№ 5). *Въ тоже время* въ «Библіотекѣ для Чтенія» Дружинина на 1859 годъ было напечатано два рассказа Плещеева: «Ломбардный билетъ» и «Неудавшаяся афера», въ «Вѣкѣ» 1861 года — рядъ переводовъ изъ Ленау, Гервега, Роберта Пруца и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ, а въ «Времени» покойнаго М. Достоевскаго — на 1861 и 1862 года цѣлый рядъ мелкихъ стихотвореній, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ, переводъ четырехъ-актной драмы Геббеля «Магдалина» (1861, № 2) и четыре драматическихъ пьесы: «Ловкая барыня», «Крестница», «Свиданіе» (1861, №№ 5 и 11) и «Командирша» (1862, № 10). *Что же касается «Эпохи», то изъ сочиненій Плещеева нашла здѣсь мѣсто лишь одна изъ его драматическихъ сценъ, подъ названіемъ «Попутчики», помѣщенная въ 9-мъ номерѣ журнала на 1864 годъ. Съ прекращеніемъ «Современника» въ 1866 году и переходомъ «Отечественныхъ Записокъ» подъ другую редакцію, Плещеевъ перенесъ свою дѣятельность въ этотъ послѣдній журналъ, и, начиная съ 9-й книжки 1868 года, напечаталъ въ немъ, въ теченіе пяти лѣтъ, цѣлый рядъ своихъ переводовъ» и пр. и пр. и пр. (стр. 574).*

Конечно все это драгоцѣнные факты, относящіеся къ дѣятельности г. Плещеева, и обстоятельные историки русской литературы безъ сомнѣнія будутъ очень благодарны г. Гербелю за собраніе этихъ

фактовъ. Но спрашивается, мѣсто ли для такихъ перечисленій въ хрестоматіи? И развѣ нельзя было сдѣлать это перечисленіе короче?

Гораздо занимательнѣе тѣ біографіи, въ которыхъ г. Гербель принимается судить и даже осуждать. Такъ г-жѣ Н. Д. Хвоцинской очень досталось. Мало того, что приведенъ рѣзкій отзывъ изъ «Современника» 1854 года; самъ г. Гербель прибавилъ свои порицанія и дошелъ наконецъ до такого заключенія: «въ ней (г-жѣ Хвоцинскій) незамѣтно тѣхъ качествъ, которыя дѣлаютъ человека поэтомъ.» (стр. 581). Такую рѣзкость говоритъ г-жѣ Хвоцинской издатель, украшающій свою книгу ея стихотвореніями!

Тутъ и его манера рассказывать измѣняется. Напримѣръ:

Въ 1854 году Надежда Дмитриевна помѣстила въ 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ нумерахъ «Отечественныхъ Записокъ» новый свой романъ въ трехъ частяхъ «Испытаніе», а въ 1856 году, въ 1-й, 2-й, 3-й, 11-й и 12-й книжкахъ того же журнала напечатала еще два романа: «Послѣднее дѣйствіе комедіи» и «Свободное время», *изъ которыхъ первый въ 3-хъ, а второй въ 2-хъ частяхъ.* Оба романа были прочтены публикою съ тѣмъ же вниманіемъ и, можно сказать, терпѣніемъ, къ которому уже стали мало по малу пріучаться почитатели таланта г-жи Хвоцинской, продолжавшей называться В. Крестовскимъ, когда уже два подлинныхъ В. Крестовскихъ, романистъ, авторъ «Петербургскихъ Трущобъ» и водевилистъ, авторъ «Цыганки», «Дипломатики жены», «Нашествія иноплеменныхъ», «Бѣдовой дѣвушки» и многихъ другихъ, уже приближались къ зениту своей славы, а публика, добродушно смѣшивая ихъ имена, не знала, кому поклоняться. Путаница эта дошла наконецъ до того, что самъ А. А. Краевскій спуталъ ихъ въ своемъ «Алфавитномъ Указателѣ» къ «Отечественнымъ Запискамъ», гдѣ, на стр. 41-й, пьеса водевилиста Крестовскаго «Дипломатика жены» помѣщена въ числѣ сочиненій В. Крестовскаго, т. е. г-жи Хвоцинской. *Это такъ поразило* уважаемаго редактора журнала, что онъ въ примѣчаніи къ новой повѣсти г-жи Хвоцинской «Новый годъ» сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: «нужнымъ считаемъ замѣтить, что авторъ этой повѣсти, избравшій для себя псевдонимъ В. Крестовскаго, не имѣетъ ничего общаго съ другимъ г-мъ Крестовскимъ, можетъ быть и не

псевдонимомъ, авторомъ драматическихъ пьесъ: «Цыганка», «Нашествіе иноплеменныхъ», «Бѣдовой дѣвушки» и другихъ, играемыхъ на сценѣ Александринскаго театра». Не стану *утомлять читателя дальнѣйшимъ исчисленіемъ* всего написаннаго и напечатаннаго г-жею Хвоцинской въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ. Скажемъ только и пр. (стр. 581).

Видите сколько здѣсь ядовитой ироніи! Составитель біографіи очевидно весело потѣшается надъ плодовитостью и неудавшимися притязаніями г-жи Хвоцинской. Очень, очень странно! Попасть въ хрестоматію обыкновенно считается за честь; между тѣмъ выходитъ что попасть въ хрестоматію г. Гербеля значить вмѣстѣ и попасть ему на зубы.

Мы не знаемъ, много-ли у него подобныхъ біографій; но къ числу ихъ должны причислить и біографію очень крупнаго человѣка, Аполлона Григорьева. Въ этой біографіи г. Гербель судить и рядить такъ рѣшительно, какъ нигдѣ. Онъ считаетъ недостатками статей Григорьева *«заносчивость и своеобычность»*. Онъ увѣряетъ, что изъ «огромнаго множества критическихъ статей и рецензій» Григорьева «къ сожалѣнію только нѣкоторыя заслуживаютъ вниманія». «До такой степени», говоритъ онъ, «онъ были писаны подѣ вліяніемъ минуты, вслѣдствіе чего весьма часто *одна статья противорѣчитъ другой*». «Каждый», продолжаетъ онъ, «видѣлъ всю *неустойчивость и несостоятельность критической дѣятельности* Григорьева, что и было главною причиною того, что воззрѣнія покойнаго критика не имѣли рѣшительно никакого вліянія на общество и возбуждали однѣ насмѣшки въ противникахъ этихъ воззрѣній» (стр. 559). Наконецъ какъ лучшее сужденіе о Григорьевѣ и окончательный ему приговоръ, онъ выписываетъ слова «*Книжнаго Вѣстника*» (1865, № 1): «Григорьевъ самъ *въ свѣтлыя минуты* признавалъ свою полнѣйшую *ненужность* для русской литературы, и *сама* русская публика соглашалась съ нимъ въ своемъ молчаливомъ приговорѣ». (560).

Что сказать на это? Право, остается только воскликнуть: вотъ какъ составляются хрестоматіи! вотъ какъ пишется исторія!

Г. Гербель очевидно вовсе не знает смысла критической дѣятельности Григорьева, не знает до такой степени, что даже вовсе его не разбираетъ, вовсе не упоминаетъ объ этомъ смыслѣ. Можно подумать, что для г. Гербеля критика состоитъ только въ томъ, чтобы одно бранить, а другое хвалить, и Григорьевъ былъ *несостоятеленъ* потому, что будто-бы онъ одно и то же то бранилъ то хвалилъ. Но если-бы г. Гербель понималъ идеи Григорьева, если-бы онъ видѣлъ, за что бранилъ и хвалилъ Григорьевъ, то онъ можетъ быть убѣдился-бы, что *противорѣчія* и *увлеченія* покойнаго критика вовсе не были (по отношенію къ этимъ идеямъ) противорѣчіями и увлеченіями.

Аполлону Григорьеву выпала тяжелая, но отчасти завидная доля. *Публика*, которой мнѣніемъ такъ дорожатъ г. Гербель и «Книжный Вѣстникъ», не умѣла цѣнить его; но онъ постоянно имѣлъ восторженныхъ почитателей, онъ возбуждалъ энтузіазмъ, который тысячекратно дороже слѣпаго увлеченія толпы. Не *сама* ли публика поклонялась Полевому, Сенковскому, Кукольнику и многимъ имъ подобнымъ, или даже во сто разъ худшимъ? *Такого* поклоненія Григорьевъ конечно не могъ возбудить.

Къ его литературной судьбѣ, намъ кажется, можно примѣнить его собственныя слова, которыя часто приходятъ намъ на умъ:

«Умственное развитіе наше есть Сатурнъ, постоянно пожирающій чадъ своихъ, по мѣрѣ рожденія. Все, что сдѣлано вчера, а тѣмъ паче третьяго дня, мы уже забыли сегодня, и подаемъ большія надежды, что сдѣланное нами сегодня рѣшительно зачеркнемъ завтра, и не только зачеркнемъ, а подъ веселую руку даже оплюемъ».

«Передъ нами все, даже истинно-высокое и великое, — проходить, проходить и, вѣроятно долго будетъ проходить, не оставляя по себѣ никакихъ слѣдовъ». (*Время*, 1861, № 3. стр. 42).

Этотъ Сатурнъ пожралъ на нашихъ глазахъ Григорьева, какъ пожралъ онъ Герцена, какъ пожралъ уже половину многихъ другихъ. Странно видѣть, что даже историки литературы и составители хрестоматій усердно помогаютъ этому пожиранию.

Францъ фонъ–Зикингень. Историческая трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе *Фердинанда Лассалья*. Переводъ А. и С. Криль. Спб. 1873.

Трагедія эта не дурно написана, переведена недурными стихами и отлично напечатана. Но цѣли, которыя постоянно имѣлъ въ виду авторъ, не могли не помѣшать истинной занимательности его сочиненія. Интересы, на которыхъ Лассаль завязалъ свою трагедію, суть стремленія къ свободѣ, возникшія во времена реформаціи, возстаніе противъ тогдашняго феодальнаго и католическаго угнетенія. Конечно, художникъ можетъ брать всякіе интересы, какіе ему вздумается; но такъ какъ прежде всего онъ обязанъ давать *полный образъ* жизни, то всякій *спеціальный* интересъ неизбѣжно долженъ сливаться съ другими, и на первый планъ все–таки выступить душа человѣческая, а не временныя и случайныя стремленія людей. Тенденціозный писатель почти никогда не можетъ соблюсти этого правила. Такъ случилось и съ Лассалемъ. Въ своей трагедіи онъ упустилъ изъ виду самую существенную черту того времени, когда она происходитъ — именно интересъ религіозный. Всѣ дѣйствующія лица трагедіи толкуютъ о Лютерѣ, половина ихъ заявляетъ себя приверженцами новаго ученія и клянется положить за него свою голову, а между тѣмъ самого ученія не видать, ни въ чьихъ рѣчахъ не слышно воодушевленія, которымъ оно наполняло души, нигдѣ не отзывается его содержаніе и смыслъ. Такимъ образомъ въ трагедіи нѣтъ существеннаго нерва, не достааетъ самой главной пружины. Не знаемъ, какъ объяснилъ бы и оправдалъ это обстоятельство Лассаль, но для переводчиковъ, какъ видно, оно вполне понятно.

«Духъ реформаціи», говорятъ они въ предисловіи, «который Лассаль всегда строго отличалъ отъ самаго факта реформаціи, существовалъ и до Лютера; онъ выражался въ чисто человѣческихъ стремленіяхъ возрождавшихся наукъ и былъ проникнутъ влеченіемъ къ свободѣ во всѣхъ сферахъ жизни націи; Лютеръ сдавилъ эти стремленія догматически–теологическимъ направленіемъ, которое далъ реформаціи. Реформаціонный духъ былъ шире, выше, свободнѣе и гуманнѣе своего собственнаго осадка — реформаціи» (стр. 1).

Это обвинение против Лютера намъ кажется очень неосновательнымъ, и если оно взято изъ Лассалья, то показываетъ, что знаменитый агитаторъ дурно понималъ исторію своего народа и порочилъ то, что составляетъ истинную славу нѣмцевъ. Реформація только потому и имѣла силу и плодотворность, что была *религіознымъ* обновленіемъ. Она была протестомъ противъ католичества во имя—де высшаго, лучшаго пониманія религіи", и потому на долго возвысила и укрѣпила нравственныя силы германскихъ народовъ. Если бы она была простымъ бунтомъ, возникшимъ изъ матеріальныхъ страданій и изъ желанія свергнуть тяжкій гнетъ властей, она погибла бы безъ слѣда и не имѣла бы никакого значенія въ духовномъ развитіи германскаго племени. Свобода есть идеаль отрицательный, а Лютеръ далъ своему народу положительный идеаль, то есть то, *ради чего* нужна и хороша свобода.

По всему видно, что Лассаль иначе смотрѣлъ на это. Приведемъ разсужденіе, которое онъ влагаетъ въ уста папскому легату, ревностному католику, но видящему всю глубину вещей. Вотъ какъ этотъ легатъ объясняетъ одному изъ архіепископовъ, въ чемъ истинная опасность:

Взгляните, гдѣ опору встрѣтилъ Лютеръ?

Нашло—ль себѣ ученіе его

Сочувствіе, поддержку въ духовенствѣ?

Нѣтъ, — Гуттены, Эразмы, Рейхлины,

Вотъ кто привѣтствовалъ его съ восторгомъ,

Зовутся «гуманистами» они

И это имя выдаетъ ихъ тайну.

Евангеліе челоѵчества—

Вотъ что несетъ съ собой Протей, идущій

На насъ войною. *Лютеръ для него*

Лишь временною оболочкой служить.

Подъ нашими ударами смѣнять

Одну онъ кожу за другую станеть,

Рости, разоблачаяся, и вдругъ

Въ сіяньи огненномъ предстанеть міру.

Провозгласить: «я есмь!», сердца людей
Себѣ всевластно покорить, напишетъ
На знамени своемъ: «земная жизнь
«И наслажденіе», низвергнетъ небо!
Исторію временъ давнопрошедшихъ,
Разгаданный людьми законъ природы, —
Онъ все себѣ въ оружье обратитъ,
Чтобъ имъ громить святыню нашей вѣры;
Евангеліе челоуѣчества
Евангелію сына челоуѣческаго
Онъ дерзновенно противопоставитъ.
Народы отворотятся отъ насъ,
Въ объятія страстныя невѣсты новой —
Дѣйствительности — бросятся они.
Предъ яркимъ, жгучимъ блескомъ наслажденій
Померкнетъ блѣдный свѣтъ загробной жизни,
На небѣ воцарится мракъ.

Этотъ легатъ очевидно пророчествуетъ о томъ, что должно, будто бы, исполниться въ будущія времена по мнѣнію самого Лассаля, и потому говорить языкомъ и понятіями чистаго гегельянца лѣвой стороны. Нельзя сказать, чтобы это было очень вѣрно исторически. Понятно при этомъ, что если Лютера принять лишь за *временную оболочку* лѣваго гегельянства, то нечего на немъ долго останавливаться и можно подвести его реформацію подъ простыя либеральныя идеи, даже сдѣлать его предтечею тѣхъ, кто проповѣдуетъ страстныя объятія дѣйствительности" и «жгучій блескъ наслажденій".

Одна бѣда: драма не вышла. Ея дѣйствующія лица и не лютеране и не гегельянцы, и отношенія между ними неясны и фальшивы.

Н. Страховъ.